

Проф. В. Ф. ЛЕВИТСКИЙ.

Описание Черниговской губернии.

Составлено по поручению Губернскаго Земства членомъ Императорскаго русскаго географическаго общества А. А. Русовымъ. Томъ I. Черниговъ 1898. Томъ II. 1899.

Издание редакціи „Земскаго Сборника Черниговской губерніи“.

Наша земская статистика въ теченіе двадцатипятилѣтняго своего существованія накопила массу цѣнныхъ матеріаловъ для изученія хозяйственнаго и общественнаго быта отдѣльныхъ губерній Россіи. Эти матеріалы, представляемыя земско-статистическими работами, широко использованы для выясненія разнообразныхъ мѣстныхъ нуждъ въ области народнаго хозяйства, народнаго образованія, санитарныхъ условій жизни населенія, и т. п.; они легли въ основу цѣлаго ряда практическихъ земскихъ мѣропріятій и послужили фундаментомъ для упорядоченія земскаго хозяйства, въ особенности въ такихъ земствахъ, выдѣляющихся образцовою постановкою своей статистики, какъ напримѣръ Московское, Херсонское и другія.

Помимо непосредственнаго практическаго значенія, земско-статистическія изслѣдованія представляютъ огромный интересъ для науки. Въ нихъ заложены цѣнные элементы отечествовѣдѣнія, систематическаго изученія быта населенія разныхъ раіоновъ Россіи. Рисуя въ различныхъ отношеніяхъ состояніе отдѣльныхъ мелкихъ территоріальныхъ единицъ, дворовъ, хозяйствъ, сельскихъ общинъ и уѣздовъ, земская статистика заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе готовые матеріалы, на основаніи которыхъ можно представить жизнь болѣе обширныхъ раіоновъ, цѣлыхъ губерній и областей и наконецъ нарисовать общую картину хозяйственнаго и общественнаго быта Россіи. При этихъ сводныхъ описаніяхъ сколько нибудь значительныхъ территоріальныхъ единицъ, на основаніи земской статистики, для того чтобы скомбинировать различныя категоріи данныхъ, заставить, такъ сказать, заговорить цифры и факты, раскрыть тенденціи и направленія въ теченіяхъ разныхъ сторонъ хозяйственнаго и общественнаго быта, требуется огромный и умѣлый трудъ систематизаціи и обработки матеріаловъ, представляющій большія трудности. Мысль о необходимости приступить къ систематической обработкѣ матеріаловъ земской статистики уже болѣе десяти лѣтъ тому назадъ широко пропагандировалась предсѣда-

телемъ статистическаго отдѣленія Московскаго Юридическаго Общества, почтеннымъ профессоромъ А. И. Чупровымъ, высказывавшимъ опасеніе, что многія данныя земской статистики могутъ потерять интересъ современности, раньше чѣмъ они получаютъ надлежащую обработку, и его призывъ не остался безъ результатовъ....

До сихъ поръ созидательная работа по объединенію матеріаловъ земской статистики и сводкѣ ея данныхъ выразилась въ двухъ направленіяхъ. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ кружокъ лицъ изъ состава членовъ Московскаго Юридическаго Общества, превосходно подготовленныхъ къ своей задачѣ, во главѣ съ А. И. Чупровымъ выработалъ планъ сводки и обработки земско-статистическихъ данныхъ для всей Россіи, по отдѣльнымъ сторонамъ и вопросамъ русскаго народно-хозяйственнаго быта. Въ результатъ задуманнаго плана появилось подъ общимъ заглавіемъ «Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики»—двѣ солидныя работы—сочиненіе «Крестьянская община» В. В. (г. Воронцовъ), со статьей А. О. Фортунатова «Общій обзоръ земской статистики крестьянскаго хозяйства» Москва 1892 г. и соч. А. Н. Карышева. «Аренда вѣнадѣльныхъ крестьянскихъ земель». На ряду съ этимъ, по почину нѣсколькихъ земствъ сдѣланы были опыты своднаго описанія, по даннымъ земской статистики, отдѣльныхъ губерній. Такія сводныя описанія были отчасти выполнены для губерній: Петербургской, Саратовской, Орловской (только относительно статистики урожая въ по отчетамъ корреспондентовъ) и Курской; послѣднее сдѣланное въ свое время проф. Вернеромъ, къ сожалѣнію, почти утеряно для науки, такъ какъ экземпляры этой работы можно теперь найти развѣ только въ двухъ столичныхъ публичныхъ библіотекахъ. Наконецъ, въ позднѣйшее время, по порученію Черниговскаго губернскаго земства, составлено А. А. Русовымъ, обозначенное въ заголовкѣ этой замѣтки, сводное описаніе Черниговской губерніи.

Для успѣшнаго выполненія обработки матеріаловъ земской статистики въ обоихъ указанныхъ выше направленіяхъ, т. е. по отдѣльнымъ губерніямъ и по отдѣльнымъ сторонамъ быта для всей Россіи,—существуютъ крупныя преграды въ самомъ состояніи земско-статистическихъ изслѣдованій. Важное значеніе здѣсь имѣетъ то обстоятельство, что хотя вообще земскія изслѣдованія сходны по задачамъ и основному плану, но они представляютъ большую неоднородность въ частностяхъ примѣнявшихся программъ, при этомъ во многихъ земствахъ поуѣздное описаніе губерніи еще незакончено, въ другихъ имѣли мѣсто продолжительные перерывы въ производствѣ земско-статистическихъ изслѣдованій, какъ напримѣръ въ Черниговской губерніи они возобновлены послѣ перерыва, продолжавшагося цѣлыхъ 15 лѣтъ, и только въ одномъ Московскомъ земствѣ, пока не превзойденномъ по образцовой постановкѣ своей земской статистики, циклъ поуѣзднаго описанія губерніи въ теченіе 25 лѣтъ выполненъ два раза. При такихъ условіяхъ, авторъ, взявшій на себя задачу своднаго описанія и

съ успѣхомъ поборовшій всѣ препятствія, заключающіяся въ неоднородности программъ и пріемовъ земско-статистическихъ изслѣдованій, имѣть возможность характеризовать данныя серіи явленій хозяйственной жизни только въ статическомъ состояніи, какъ приуроченныя къ опредѣленному моменту времени, но тамъ гдѣ ему необходимо прослѣдить тѣ же явленія въ состояніи движенія и развитія, когда онъ задается вопросомъ о происходящихъ преобразованіяхъ въ тѣхъ или другихъ сторонахъ общественнаго быта, у него сплосъ и рядомъ недостаетъ необходимыхъ матеріаловъ для сравненія во времени. Если авторамъ «Итоговъ экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики» удалось съ успѣхомъ выполнить свою задачу по вопросу о сельской общинѣ и земельной арендѣ,—то этотъ успѣхъ объясняется характеромъ изслѣдованныхъ ими сторонъ хозяйственнаго быта, такъ какъ морфологія землевладѣнія, составлявшая предметъ ихъ изслѣдованія, относится къ области наиболѣе устойчивыхъ явленій, не такъ быстро подвергающихся существеннымъ перемѣнамъ. За то до самаго послѣдняго времени мы не имѣемъ сколько нибудь удачнаго своднаго описанія, на основаніи земско-статистическихъ данныхъ, по такимъ вопросамъ, какъ мобилизація поземельной собственности и происходящія преобразованія въ распредѣленіи послѣдней, хотя въ русской литературѣ появилось нѣсколько работъ этого рода, по своей крайней тенденціонности не гармонирующихъ съ задачами объективнаго описанія.

На ряду со сводными описаніями по губерніямъ и по отдѣльнымъ сторонамъ хозяйственнаго быта, было бы въ высокой степени цѣлесообразнымъ и крайне желательнымъ появленіе сводныхъ описаній по отдѣльнымъ типичнымъ областямъ Россіи, какъ такимъ территоріальнымъ единицамъ, которыя представляются однородными по населяющимъ ихъ народностямъ, по ихъ экономическому положенію, особенностямъ поземельнаго строя и т. п. Но самая возможность появленія такихъ порціонныхъ сводныхъ описаній предполагала бы существованіе особой организаціи областной статистики на подобіе той, которая осуществлена въ Германіи въ видѣ статистическихъ бюро отдѣльныхъ государствъ Германской Имперіи, Пруссіи, Баваріи, Саксоніи, Виртемберга и т. п. У насъ задачу организаціи областныхъ статистическихъ изслѣдованій, только исключительно для окраинъ Россіи, періодически брали на себя отдѣльныя вѣдомства и высшія областныя управленія. Почину этихъ учреждений мы обязаны существованіемъ такихъ цѣнныхъ работъ, какими являются труды, изданные управленіемъ Удѣловъ о закавказскихъ крестьянахъ подъ редакціей г. Тихѣва въ 26 огромныхъ томахъ, изслѣдованія Астырева о землепользованіи и хозяйственномъ бытѣ сельскаго населенія восточной Сибири, работы г. Кауфмана о западной Сибири и т. п. Что касается коренныхъ губерній Европейской Россіи, то здѣсь, при отсутствіи зачатковъ областной статистики, какъ из-

вѣстно, вся организація статистическихъ изслѣдованій, какъ правительственная въ видѣ мѣстныхъ статистическихъ комитетовъ, такъ и земская, приурочена къ отдѣльнымъ губерніямъ. Поэтому всякая попытка сводки статистическихъ данныхъ по областнымъ территориямъ, напр., для центральной Россіи, Малороссіи, Новороссійскаго Края, при неодинаковомъ состояніи земско-статистическихъ изслѣдованій отдѣльныхъ губерній, входящихъ въ составъ данной области и при неоднородности принятыхъ въ отдѣльныхъ земствахъ программъ изслѣдованія—должна встрѣтиться съ столь же непреодолимыми трудностями, какъ и сводное описаніе для всей Россіи, разъ оно выходитъ за предѣлы такихъ общихъ явленій, какъ формы землевладѣнія и промысловъ и т. п. Такимъ образомъ, при современной организаціи статистики въ Россіи, сводныя описанія, рассчитанныя на подведеніе итоговъ земско-статистическихъ изслѣдованій по всемъ затронутымъ ими сложнымъ явленіямъ хозяйственной жизни, могутъ съ успѣхомъ быть выполнены только по отдѣльнымъ губерніямъ. Неудобство погубернскихъ сводныхъ описаній заключается въ томъ, что губернія, какъ единица описанія, представляетъ собою искусственно выкроенный районъ, въ географическомъ, хозяйственномъ, этнографическомъ и другихъ отношеніяхъ. Но, представляя извѣстное неудобство для цѣлей научныхъ, погубернскія сводныя описанія за то вполне отвѣчаютъ насущнымъ потребностямъ земскаго управленія тѣмъ, что, формулируя основныя нужды и потребности разныхъ слоевъ мѣстнаго населенія, отмѣчая недочеты и несовершенства въ дѣятельности и постановкѣ отдѣльныхъ отраслей земскаго хозяйства, они готовятъ рациональную, обоснованную на фактахъ и цифрахъ программу будущей дѣятельности земскихъ учреждений, — а это именно и есть та задача, которую имѣли въ виду земства, жертвовавшія значительныя средства на организацію своихъ статистическихъ бюро.

Описаніе Черниговской губерніи, сдѣланное г. Русовымъ, являясь сравнительно узкимъ по своему территоріальному району, оказывается весьма сложнымъ и обширнымъ по разнообразію явленій, а также сторонъ общественнаго и хозяйственнаго быта, введенныхъ авторомъ въ это описаніе и получившихъ въ немъ яркое и обстоятельное освѣщеніе. Работа, выполненная Г. Русовымъ, ясно представится во всей своей сложности, если мы укажемъ, что въ сферу его изслѣдованія вошли слѣдующія группы явленій: 1) Образованіе территоріи губерніи съ обстоятельнымъ изложеніемъ исторіи населяющихъ ее народностей. 2) Территорія губерніи въ связи съ исторіей ея изученія. 3) Орогеографическій очеркъ губерніи. 4) Климатъ. 5) Геологическое строеніе. 6) Почвы губерніи. 7) Распредѣленіе площади по угодьямъ. 8) Землевладѣніе. 9) Лѣса. 10) Кормовая площадь, луга и выгоны. 11) Пищевая площадь и полеводство. 12) Скотоводство. 13) Населеніе. 14) Народное образованіе. 15) Постройки. 16) Дороги, ярмарочныя и торговые пункты. 17) Промышленность 18) Ме-

дицина. 19) Платежи и налоговое обложение государственное, земское и мирское. Казалось бы, что изслѣдованіе, построенное по столь сложной программѣ, затрагивающее столько разнообразныхъ сторонъ состоянія губерніи въ ея физическихъ, географическихъ и общественно-экономическихъ условіяхъ, при томъ претендующее на полноту и обстоятельность, могло быть съ успѣхомъ выполнено только сотрудничествомъ цѣлаго ряда специалистовъ, геологовъ, почвовѣдovъ, таксаторовъ, метеорологовъ, медиковъ, экономистовъ и статистиковъ. Если однако г. Русовъ превосходно справился со своей задачей и въ своемъ «Описаніи Черниговской губерніи» далъ цѣнный трудъ, имѣющій большое мѣстное значеніе, то это обуславливалось счастливымъ сочетаніемъ въ его личности, какъ знатока Черниговской губерніи, цѣлаго ряда благоприятныхъ условій для выполненія этой работы. Приступая къ этой работѣ, г. Русовъ располагалъ уже высокимъ опытомъ въ дѣлѣ организаци и веденія статистическихъ работъ, приобретеннымъ имъ въ теченіе болѣе двадцатилѣтнихъ непрерывныхъ статистическихъ изслѣдованій, сперва въ качествѣ статистика Черниговскаго земства, а затѣмъ завѣдующаго статистическимъ бюро Херсонскаго земства. Въ теченіе всего этого періода г. Русовъ не терялъ связи съ земско-статистическими работами, производившимися въ Черниговской губерніи, въ которыхъ онъ принималъ участіе, то какъ инициаторъ, то какъ организаторъ и исполнитель. Какъ инициаторъ, онъ въ своемъ опытѣ «Довжинская волость Черниговскаго уѣзда», и «Деревня Кошовка, Довжинской волости», предупредилъ общее поуѣздное земско-статистическое изслѣдованіе Черниговской губерніи, выполненное въ періодъ 1877—1886 годовъ, въ которомъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ описаніи и редакціи уѣздовъ Борзенскаго, Черниговскаго, Новозыбковскаго и совершенно самостоятельно описалъ Нѣжинскій уѣздъ (1879 г.), по порученію уѣзднаго земства. Впрочемъ, читая «Описаніе Черниговской губерніи», на каждой страницѣ убѣждаешься, что г. Русовъ не простой статистикъ, выполняющій заданную работу, а изслѣдователь, сдѣлавшій изученіе Черниговской губерніи своей любимой специальностью, одинаково интересующійся исторіей и географіей, этнографіей и хозяйственнымъ бытомъ этой губерніи, которымъ не только тщательно были изучены всѣ мѣстныя изслѣдованія, касавшіяся Черниговской губерніи, но отъ вниманія котораго не ускользнули интересные факты, иногда краткія замѣчанія, въ общихъ сочиненіяхъ по естествознанію, геологій, этнографіи, хозяйственному быту, относящіяся къ Черниговской губерніи. Только при такомъ широкомъ энциклопедизмѣ автора по части Черниговской губерніи, могла быть съ успѣхомъ выполнена имъ сложная работа «Описанія». При этомъ автору болшую службу сослужило его специальное историческое образованіе и широкое знакомство съ русской статистикой, какъ земской, такъ и официальной.

Для того чтобы показать, какъ авторъ справился со своей задачей, для насъ нѣтъ надобности въ этой рецензіи слѣдовать за нимъ по всѣмъ вопросамъ, затронутымъ въ его «Описаніи», для нашей цѣли достаточно, если мы остановимся на подробномъ разсмотрѣніи существенной части его изслѣдованія, относящейся къ землевладѣнію и земледѣлію. Считая основною частью «Описанія» главы, отведенныя землевладѣнію и сельскому хозяйству, мы основываемся, между прочимъ, на томъ, что и Черниговское Земство, поручавшее г. Русову сводное описаніе губерніи, и самъ авторъ существо своей задачи видѣлъ въ изслѣдованіи сельскаго хозяйства и землевладѣнія. Та же задача лежала въ основѣ систематическаго изслѣдованія хозяйственнаго положенія Черниговской губерніи, произведеннаго земскимъ статистическимъ бюро, работы котораго были изданы подъ однимъ общимъ заглавіемъ «Матеріаловъ для оцѣнки земельныхъ угодій». То главное значеніе, которое всѣ мѣстныя изслѣдованія Черниговской губерніи придавали земледѣлію, находятъ свое объясненіе въ томъ, что эта губернія, до послѣдняго времени, не смотря на пересѣкающія ее въ разныхъ направленіяхъ желѣзныя дороги, остается исключительно губерніей земледѣльческой, отличающейся крайне слабымъ развитіемъ не только крупной индустріи, но также кустарныхъ промысловъ и торговли. Земледѣліе и сельское хозяйство, какъ прежде, такъ и теперь, остается тѣмъ основнымъ источникомъ, изъ котораго черпаютъ средства существованія всѣ слои населенія губерніи.

Спрашивается теперь, какіе же имѣются для Черниговской губерніи матеріалы, на основаніи которыхъ авторъ могъ изобразить положеніе землевладѣнія и сельскаго хозяйства. Основные и самыя цѣнныя данныя для описанія этой отрасли народнаго хозяйства представляютъ непосредственныя наблюденія, цифры и факты, собранные земской статистикой и изданные въ періодъ съ 1876 до 1885 года въ 15 томахъ подъ заглавіемъ «Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій». Имѣющіе высокую научную цѣну, матеріалы этого описанія теряютъ въ своемъ значеніи отъ того, что послѣ 1886 года такія же изслѣдованія на мѣстѣ болѣе не повторялись, а потому нѣтъ возможности выяснитъ какія преобразованія въ хозяйственномъ бытѣ населенія Черниговской губерніи произошли за послѣднія 15 лѣтъ и въ какомъ направленіи совершается въ ней эволюція поземельныхъ отношеній и сельскаго хозяйства. Поэтому приуроченіе работы своднаго описанія къ даннымъ, заключающимся въ «Матеріалахъ для оцѣнки угодій» ставило бы задачу изслѣдователя въ очень узкія рамки. Но Черниговская губернія, недостаточно обследованная въ трудахъ ея земской статистики, сравнительно очень богата, какъ сочиненіями отдѣльныхъ авторовъ, такъ и официальными анкетами, посвященными изслѣдованію топографіи, землевладѣнія и хозяйственнаго быта, которыя періодически появлялись въ свѣтъ, начиная со второй половины прошлаго столѣтія и до послѣдняго времени. Въ ряду сочиненій частныхъ

лишь высокій интересъ для изученія земледѣльческаго быта представляютъ сочиненіе Василя Рубана «Землеописаніе Малыя Россіи, изъясняющее города, мѣстечки, рѣки, число монастырей и церквей и сколько гдѣ выборныхъ казаковъ, подпомощниковъ, посполитыхъ по ревизіи 1764 года находилось» и прибавленіе къ книгѣ его «Краткая лѣтопись Малыя Россіи съ 1506 по 1776 годъ»; сочиненіе Шафонскаго. «Черниговское намѣстничество. Топографическое описаніе 1786 г.», капитальныя работы г. Лазаревскаго (Описаніе Старой Малороссіи, полки Стародубскій и Нѣжинскій) и проф. Лучицкаго (Матеріалы для исторіи общихъ и общественныхъ земель Лѣвобережной Украины въ XVIII в. 1884 г.). Изъ официальныхъ работъ огромное значеніе для изученія хозяйственнаго быта Черниговской губерніи имѣетъ прежде всего извѣстная Румянцевская опись 1768 г., затѣмъ цѣлая масса матеріаловъ относительно топографіи и землевладѣнія въ губерніи, добытыхъ генеральнымъ межеваніемъ въ періодъ съ 1859 до 1890 года, которое организовано было съ цѣлю устраненія крайней чрезполосности, вредившей интересамъ земледѣлія. Начало генеральнаго межеванія совпадало съ окончаніемъ другой обширной работы, произведенной въ сороковыхъ годахъ и законченной въ 1856 г.—военно-топографической съемки для составленія подробныхъ картъ въ масштабѣ 3 верстъ въ дюймѣ, доставившей цѣнныя данныя въ специальномъ изданіи «Матеріаловъ, для географіи и статистики Россіи, Черниговская губернія 1865 г.». Наконецъ, для новѣйшаго времени дополненіемъ ранъше изданныхъ «Матеріаловъ по оцѣнкѣ угодій», явились въ 1895 году свѣдѣнія, собранныя Черниговской губернской земскою управой черезъ уѣздныя земскія управы о землевладѣніи сельскихъ обществъ и частныхъ владѣльцевъ, почерпнутыя изъ окладныхъ книгъ. Всѣ эти литературные источники, тщательно изученные г. Русовымъ, дали ему возможность сравнить современное положеніе землевладѣнія и земледѣлія съ состояніемъ этой отрасли народнаго хозяйства въ прошломъ столѣтіи и показать, насколько картина поземельныхъ отношеній, отразившаяся въ земско-статистическихъ изслѣдованіяхъ за періодъ отъ 1876 до 1885 года, измѣнилась за послѣднее десятилѣтіе.

Обращаясь къ характеристикѣ главныхъ элементовъ землевладѣльческаго быта Черниговской губерніи, мы должны сначала отмѣтить, каковы, по описанію г. Русова, естественныя данныя, представляемыя территоріей этой губерніи для земледѣлія и сельскаго хозяйства, насколько она богата почвами удобными для земледѣлія, какое мѣсто въ ней занимаютъ лѣса, некультированные пространства, пустоши и болота и т. п.

Оказывается, что изъ всей площади территоріи Черниговской губерніи, равняющейся 4.798,059 десят., пахатныя земли занимаютъ 2.596,901 дес., остальное пространство занято лѣсами и кустарниками въ количествѣ 1.113,853 десят., сѣнокосами и выпасами—906,723 десят. Кромѣ того подъ усадьбами находится 256,010 десят. и совершенно неудобныхъ для

культуры земель (болотъ и т. п.) считается 246,265¹⁾. Что касается пахатныхъ земель—то изъ нихъ только 26,₈⁰/₁₀₀ черноземныхъ, а затѣмъ 30,₇⁰/₁₀₀ съ почвою сѣрою, глинистою и 42,₅⁰/₁₀₀ песчаню. Вообще въ Черниговской губерніи преобладающими являются почвы съ песчанымъ составомъ въ основѣ, которыя въ общемъ занимають 945,650 десятинъ²⁾. Относительное качество земель этихъ трехъ категорій лучше всего характеризуется степенью урожайности на нихъ ржи, при полномъ отсутствіи удобрения. При этомъ условіи урожайность ржи, на песчаныхъ почвахъ колеблется отъ 12 пуд. (сыпучіе пески) до 18—20 пудовъ (боровая песчаная почва). На глинистыхъ почвахъ урожайность ржи, смотря по качеству почвы, колеблется отъ 20 до 32 пудовъ и на черноземныхъ отъ 45 до 72 пудовъ на десятину. Но эти почвы крайне неравномѣрно распредѣлены на пространствѣ Черниговской губерніи: черноземъ преобладаетъ въ Конотопскомъ уѣздѣ, сѣрыя суглинистыя почвы въ Мглинскомъ и пески въ бѣдѣйшемъ Суражскомъ уѣздѣ. При среднихъ качествахъ почвы, Черниговская губернія въ общемъ представляетъ благоприятныя условія для земледѣлія, вслѣдствіе обезпеченія ея достаточнымъ количествомъ влаги, такъ какъ извѣстно, что наиболѣе ровными урожаями отличаются не тѣ раіоны, гдѣ почва самага высокаго качества (напр. Новороссійскій край), а тѣ, которые, при умѣренныхъ качествахъ своей почвы, хорошо обезпечены влагою въ видѣ атмосферныхъ осадковъ и орошенія. Среднее количество осадковъ для Черниговской губ. 533 миллиметровъ, нѣсколько ниже чѣмъ въ Могилевской губерніи (580 м.) и гораздо больше, чѣмъ въ Одессѣ (402,₂), при чемъ наибольшее число дней съ осадкомъ приходится на Іюнь и Іюль, а наименьшее на Январь и Февраль. Чередованіе дождливыхъ и сухихъ годовъ характеризуетъ климатъ Черниговской губерніи, также, какъ и по температурѣ, въ смыслѣ умѣренности: рѣзкихъ колебаній въ выпаденіи осадковъ, какія, напр., наблюдаются въ Новороссійскихъ степяхъ, здѣсь нѣтъ. Къ натуральнымъ даннымъ относится и орошеніе губерніи. Въ этомъ отношеніи наблюдаемъ въ ней обиліе рѣчныхъ водъ. Въ ряду рѣкъ, орошающихъ Черниговскую губернію, первое мѣсто занимаетъ Днѣпръ, и его притоки: Десна, Трубежъ, Супой, Сула; затѣмъ притоки Десны—Сеймъ, Остеръ, Судость, Сновъ, рѣки Сожъ, Ипутъ, Бесѣдъ. Изъ этихъ рѣкъ Днѣпръ и Десна судоходны на всемъ протяженіи губерніи, остальные же служатъ только для сплава лѣса въ половодье.

Какъ же эти физическія данныя условія Черниговской губерніи использованы для земледѣлія и сельскаго хозяйства, что сдѣлано въ ней со стороны земледѣльческаго искусства для эксплуатаціи естественныхъ богатствъ и какіе результаты при этомъ достигнуты по отношенію къ росту

¹⁾ См. описаніе Черниговской губерніи Т. I, стр. 155.

²⁾ Тамъ же, стр. 137—138.

³⁾ То же, стр. 123.

народнаго богатства и экономическаго обезпеченія населенія, въ какомъ положеніи находится сельское хозяйство въ его различныхъ отрасляхъ, получившихъ развитіе въ Черниговской губерніи?

Для того чтобы отвѣтить на эти вопросы, мы, слѣдуя за г. Русовымъ, послѣ констатированія физическихъ условій земледѣлія, остановимся на выясненіи другой категоріи данныхъ—общественно-хозяйственныхъ, характеризующихъ отношеніе населенія къ землѣ, каковыми являются формы землевладѣнія и особенности въ условіяхъ землепользованія и распредѣленія поземельной собственности между разными классами населенія. Въ отношеніи формъ землевладѣнія Черниговская губернія характеризуется почти полнымъ отсутствіемъ общиннаго владѣнія и господствомъ участковой собственности среди крестьянскаго сословія. Въ ряду же губерній съ участковымъ владѣніемъ въ крестьянскомъ классѣ, такихъ, какъ напр., Кіевская, Подольская и т. п., Черниговская губернія выдѣляется одною особенно характерною чертою въ землепользованіи, а именно крайнимъ развитіемъ черезполосности, обусловливаемой чрезвычайнымъ дробленіемъ земель, какъ владѣльческихъ, такъ и крестьянскихъ. Изъ трехъ видовъ дробленія земельной собственности столь полно охарактеризованныхъ Альфредомъ Фовилемъ въ его извѣстной монографіи «*Le Morcellement. Paris 1885*» по отношенію къ Франціи—дробленія собственности въ смыслѣ отсутствія латифундій и преобладанія мелкихъ комплексовъ владѣнія, какъ это имѣетъ мѣсто во Франціи и Бельгіи (*division de la propriété*), дробленія обусловленнаго системой хозяйства трехпольной, многопольной и т. д. (*le fractionnement parcellaire*),—и, наконецъ, дробленія такого вида, когда земля даннаго лица подѣлена на значительное число участковъ, раздѣленныхъ между собою владѣніями другихъ лицъ (*la dispersion des propriétés*),—именно этотъ послѣдній видъ дробленія, называемый черезполосностью, получилъ широкое развитіе въ Черниговской губерніи. Черезполосность владѣнія въ Черниговской губерніи довольно давняго происхожденія. Мы не будемъ останавливаться на исторіи происхожденія этой черезполосности, обстоятельно изложенной г. Русовымъ¹⁾, а отмѣтимъ здѣсь тотъ фактъ, что еще въ 1853 году констатировано было въ Черниговской губерніи существованіе крайней черезполосности, какъ среди мелкихъ владѣльцевъ-казаковъ, такъ и среди крупнаго землевладѣнія и что тогда уже бывали случаи, когда владѣніе въ 1,000 десятинъ состояло изъ нѣсколькихъ сотъ кусковъ земли. При этомъ владѣнія крупныхъ собственниковъ иногда были выкроены въ видѣ лентъ, длиною въ 5—6 верстъ, а шириною въ одну сажень²⁾. Въмѣстѣ съ этимъ въ Черниговскихъ дачахъ были перемѣшаны полосы земель бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависи-

1) См. описаніе Черниговской губ., Т. I, стр. 57.

2) То же, стр. 68.

мости, помѣщиковъ, казаковъ, казенныхъ крестьянъ, мелкихъ владѣльцевъ другихъ сословій, казны и церковей. Средній же размѣръ земельныхъ полосъ колебался отъ $1\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{9}$ десятины. Такое развитіе чрезполосности вызвало настойчивыя жалобы со стороны крупныхъ собственниковъ на представляемые ею неудобства для сельскаго хозяйства, съ постоянными обращеніями къ правительству о принятіи мѣръ для устраненія этого существеннаго для хозяйства неудобства. Въ отвѣтъ на эти жалобы явилось правительственное мѣропріятіе въ видѣ генеральнаго межеванія. Планъ генеральнаго межеванія сводился къ тому, чтобы полевая земля отдѣльныхъ владѣній, превышавшихъ 300 десятинъ, обязательно сводить въ одинъ отрубной участокъ, но при этомъ и владѣльцамъ болѣе 50-ти десятинъ предоставлялось право требовать вымежеванія ихъ земли въ отдѣльные участки. Такимъ образомъ генеральное межеваніе имѣло своей задачей уничтоженіе чрезполосности въ крупныхъ и самое большее въ среднихъ имѣніяхъ, оно не распространялось на мелкую собственность крестьянъ и казаковъ, но косвенно, какъ мы увидимъ ниже, коснулось и ея. Въ результатъ произведенной межевою палатою въ теченіе 30 лѣтъ (1860—1890 г.) работы—былъ выводъ изъ чрезполосицы болѣе чѣмъ *полутора милліона десятинъ*. При этомъ пространство отрубныхъ участковъ въ общемъ по губерніи увеличилось съ $18,9\%$ до $53,8\%$, т. е. почти въ три раза. Характерно то, что крупные и средніе землевладѣльцы снимавшіе съ себя своими жалобами на чрезполосность, какъ тормазъ для земледѣльческой культуры, значительную долю отвѣтственности за дурное состояніе сельскаго хозяйства въ ихъ имѣніяхъ, до самаго послѣдняго времени почти вовсе не воспользовались для земледѣльческихъ улучшеній удобствами, связанными съ устраненіемъ чрезполосности. За самыми рѣдкими исключеніями, съ ихъ стороны не явилось стремленія перейти къ болѣе усовершенствованнымъ системамъ хозяйства и полеводства; старое трехполье и веденіе хозяйства, по выраженію г. Русова, «въ духѣ народной агрономіи» теперь, какъ и прежде, составляетъ общее явленіе. Состояніе хозяйства въ крупныхъ имѣніяхъ на одного изъ позднѣйшихъ его изслѣдователей производитъ удручающее впечатлѣніе полнымъ отсутствіемъ признаковъ хозяйственнаго прогресса, даже по сравненію съ такими сосѣдними съ нею губерніями, какъ Могилевская, Минская, Орловская, Курская и Полтавская. Очевидно, что есть какія то другія болѣе основныя причины, обуславливающія отсталость и застой въ сельскомъ хозяйствѣ крупныхъ и среднихъ владѣльцевъ Черниговской губерніи. Объ этихъ причинахъ мы будемъ говорить ниже, а пока отмѣтимъ лишь тотъ фактъ, что выводъ изъ чрезполосицы почти $1\frac{1}{2}$ милліона десятинъ земель, подлежащихъ прежде общему праву выпаса на нихъ скота, несомнѣнно отозвался на мелкихъ хозяйствахъ крестьянъ и казаковъ

1) Описаніе, Т. I, стр. 205.

ухудшеніемъ условій скотоводства ¹⁾). Генеральное межеваніе не распространялось прямо на крестьянскія надѣльные земли, но косвенно оно повлияло на сокращеніе пастбищъ и выпасовъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ вслѣдствіе разверстанія владѣльческихъ угодій и выдѣленія ихъ въ отрубные участки. Въ крестьянскомъ землевладѣніи до межеванія и послѣ него продолжала существовать череполосность, вытекающая изъ условій трехпольнаго хозяйства, при чемъ земельный надѣлъ каждой семьи находится въ трехъ полевыхъ участкахъ, не считая пустошей, лѣсовъ и сѣнокосовъ.

О размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія, а равно о распредѣленіи земельной площади Черниговской губерніи г. Русовъ сообщаетъ много интересныхъ данныхъ, комбинируя свѣдѣнія Центрального Статистическаго Комитета, генеральнаго межеванія, матеріалы, собранные Губернской Земской Управой, на основаніи окладныхъ книгъ и земско-статистическія изслѣдованія за періодъ 1876—1885 годовъ, насколько эти разнородные матеріалы взаимно дополняютъ другъ друга. Изъ сопоставленныхъ имъ данныхъ мы узнаемъ, между прочимъ, что въ Черниговской губерніи во владѣніи обществъ крестьянъ и казаковъ находится 50% (2,215,494 десят.) въ частномъ владѣніи дворянскаго, купческаго и другихъ сословій 42,8% (1,893,640 десят.), во владѣніи казны 5% (около 223,108 десят.) и во владѣніи разныхъ учрежденій 2,2% земельной площади губерніи. Въ сферѣ поземельныхъ отношеній огромный интересъ представляетъ вопросъ о направленіи мобилизаціи поземельной собственности, который, въ свою очередь, расчленяется на цѣлый рядъ вопросовъ о томъ, какія сословія и классы землевладѣльцевъ за послѣднія десятилѣтія успѣли увеличить площадь своего владѣнія и какіе потерпѣли ущербъ, растетъ ли при этомъ крупная или мелкая собственность и какъ измѣняется средняя величина владѣній. Г. Русовъ въ своемъ изслѣдованіи даетъ отвѣты на эти вопросы, насколько матеріалы, собранныя по различнымъ программамъ, представляютъ сравнимыя данныя. Какъ извѣстно, въ условіяхъ свободы перехода изъ рукъ въ руки находятся земли частныхъ собственниковъ — дворянъ, купцовъ, а также земли казаковъ и крестьянъ, приобрѣтенныя ими путемъ частныхъ покупокъ и неподчиненныя условіямъ выкупной операціи. Что же касается надѣльныхъ земель крестьянскихъ и казачьихъ обществъ, то въ силу закона 14 Декабря 1893 года ихъ переходъ къ лицамъ другихъ сословій совершенно запрещенъ. По отношенію къ землямъ этой категоріи мобилизація однако имѣетъ мѣсто въ двухъ формахъ — при переходѣ по наслѣдству, которое обыкновенно связано съ дробленіемъ поземельной собственности между сонаслѣдниками и при принудительномъ отнятій міромъ земель неисправныхъ плательщиковъ налоговъ и передачи ихъ въ руки болѣе состоятельныхъ крестьянъ. Но данныя объ этихъ переходахъ изъ рукъ въ руки

¹⁾ Описаніе Черниговской губ., Т. I, стр. 204.

надѣльныхъ земель пока не попали въ статистику и г. Русовъ въ своемъ «Описаніи Черниговской губерніи» имѣетъ возможность представить характеристику направленія мобилизаціи только для земель, находящихся въ условіяхъ свободы оборота (т. е. земель частныхъ лицъ и внѣнадѣльныхъ земель крестьянъ и казаковъ), при чемъ исходнымъ моментомъ для наблюденія мобилизаціи онъ беретъ 1877—78 годъ. По даннымъ центрального Статистическаго Комитета, въ этомъ году общее пространство всѣхъ земель этой категоріи слѣдующимъ образомъ распредѣлялось по сословіямъ и по размѣрамъ владѣнія¹⁾:

	Въ 10 и менѣе дес.		10—100 десят.		100—1,000 дес.	
	Влад.	Десят.	Влад.	Десят.	Влад.	Десят.
Дворяне	1,677	7,789	3,690	144,785	1,588	490,269
Купечество	167	512	222	7,818	112	39,568
Мѣщане	2,998	7,593	767	20,643	61	13,076
Крестьяне быв. влад. .	3,688	8,984	452	11,419	25	4,535
Крестьяне быв. госуд. .	2,307	6,361	555	14,877	27	3,960
Всего . .	10,837	31,239	5,686	199,542	1,813	551,408

	Болѣ 1,000 десят.		В С Е Г О	
	Влад.	Десят.	Влад.	Десят.
Дворяне	247	709,017	7,202	1,351,860
Купечество	38	98,304	539	146,202
Мѣщане	1	1,029	3,827	42,341
Крестьяне быв. влад. .	—	—	4,165	24,938
Крестьяне быв. госуд. .	1	1,044	2,890	26,242
Всего . .	287	809,394	18,623	1,591,583

При этомъ на 100 десят. всей земли приходилось личной собственности 41₄, мірской 51₂, казенной 5₃, прочей 1₉.

Перемѣны, происшедшія за послѣднія десятилѣтія для разныхъ категорій частныхъ владѣльцевъ, выразились въ слѣдующемъ: Съ 1858 года значительно возрасло число землевладѣльцевъ дворянъ и при этомъ сильно сократилась общая площадь принадлежащихъ имъ земель. А именно въ 1858 году было дворянъ владѣвшихъ крѣпостными людьми въ губерніи 4,445, въ 1871—1881 годахъ землевладѣльцевъ изъ дворянъ и чиновниковъ (по изслѣдованію Центрального Статистическаго Комитета) 7,202, въ 1887 году—8,108 и въ 1894 году—9,266. Земли у дворянъ въ концѣ 50-хъ годовъ было 2.155,442 дес., въ 1878 году—1.351,860 дес., въ 1887 году—1.288,781 дес. и въ 1894 году у дворянъ, съ причисленіемъ къ нимъ тѣхъ чиновниковъ, какіе за послѣднее время вошли въ составъ этого сословія, оставалось земли всего 1.095,020 дес. Такимъ образомъ съ 1878 года въ теченіе 15 лѣтъ площадь дворянскихъ земель сократи-

¹⁾ Описание Черниговской губ., Т. I, стр. 210.

лась на 256,830 дес. или на $19\frac{1}{2}\%$. За этот же период времени средний размер дворянского поместья сократился с 187,7 дес. до 118 десят. На ряду с ростом абсолютной цифры дворян-землевладельцев, наблюдается относительное уменьшение дворян-землевладельцев в общем составе частных собственников: в 1878 году дворяне составляли 35% , а в 1894 году только 19% всех частных собственников. Количество земли, принадлежащей дворянам в 1878 г., составляло больше $\frac{4}{3}$ величины всей частной собственности ($83\frac{1}{2}\%$), в 1894 году только $\frac{2}{3}$ этого количества ($66\frac{2}{3}\%$).

Вторую группу частных владельцев составляют потомственные почетные граждане, купцы, платящие гильдию, духовенство и евреи—всего в совокупности 1,675 собственников, которым принадлежит 217,636 десятин, при среднем размере владения на 1 собственника в 129,7 десят., т. е. несколько выше средней величины дворянского землевладения в губернии. На ряду с сокращением площади дворянского землевладения—площадь владения этой категории частных собственников увеличивалась. Приращение их владений за период с 1874 до 1887 года выразилось в цифре 131,458 десятин, при чем наиболее значительно возросло владение купцов (на 79,808 дес.) и евреев (на 32,436 дес.).

Наиболее значительное перемещение поземельной собственности за последние десятилетия произошло от привилегированных сословий к простонародью—казакам, крестьянам, отставным солдатам. До 1896 года этими сословиями приобретено в частную собственность (вненадельных земель) 283,206,4 десятины, что по отношению к общему количеству их надельных и потомственных земель составляет $11,7\%$ ¹⁾. Но на самом деле приращение вненадельных земель этих сословий, если считать и земли приобретенные товариществами мелких землевладельцев из простонародья, выразилось в более значительной сумме 360,526 десят.²⁾, при чем увеличение частной собственности лиц этой категории преимущественно имело место после 1878 года, а именно с этого года ими было приобретено больше 300,000 десят. Из общей массы приобретенных крестьянами и казаками вненадельных земель до 1895 г. только 48,482 десятины, или меньше $\frac{1}{7}$ приобретено через посредство крестьянского банка.

Таким образом современное направление мобилизации поземельной собственности в Черниговской губ., по исследованию г. Русова, характеризуется тем, что площадь дворянского землевладения быстро уменьшается, а на счет ее сокращения растет землевладение крестьян, казаков и частных собственников других сословий, при чем по количеству десятин приращение площади землевладения первых больше

1) Описание Т. I стр. 252—253.

2) То же стр. 273.

чѣмъ въ два раза превосходить увеличеніе поземельной собственности послѣднихъ. Общее направленіе мобилизации земельной собственности наглядно представлено въ табличкѣ на стр. 274 «Описанія», которую мы и позволимъ себѣ, въ виду ея значенія, привести здѣсь.

Размѣры владѣнія	Дворяне		Купечество		Мѣщане		Крестьяне и казаки	
	1877 г.	1894 г.	1877 г.	1894 г.	1877 г.	1894 г.	1877 г.	1894 г.
Менѣ 10 десят.	1,677	3,612	167	271	2,998	7,119	5,995	20,772
10— 100 »	3,690	4,041	222	204	767	1,234	1,007	4,176
100—1000 »	1,588	1,417	112	147	61	106	52	194
Болѣе 1000 »	247	197	38	33	1	3	1	1
Всего	7,202	9,266	539	655	3,827	8,462	7,055	25,143

Приведенныя цифры показываютъ, что число владѣльцевъ изъ крестьянъ и мѣщанъ увеличилось во всѣхъ разрядахъ, изъ купцовъ только въ 1-мъ и 3-мъ разрядахъ, а у дворянъ только въ двухъ первыхъ, т. е. мелкихъ разрядахъ; число же крупныхъ дворянскихъ имѣній (3-го и 4-го разряда) уменьшилось. Изъ этой же таблицы видно, что переходъ дворянскихъ земель въ руки другихъ сословій, и преимущественно крестьянскаго, сопровождается постояннымъ дробленіемъ поземельной собственности. Это послѣднее явленіе относительно земель частнаго владѣнія видно изъ сопоставленія слѣдующихъ цифръ. Въ 1877 году имѣній частныхъ собственниковъ всѣхъ сословій было 20,613, а въ 1894 году уже 49,011. По размѣрамъ они раздѣлялись такъ:

	Въ 1877 г.	Въ 1894 г.
Въ 10 и менѣ десятинъ	12,076	35,732
Отъ 10— 100 десят.	6,397	11,003
» 100—1000 »	1,852	2,025
Болѣе 1000 »	288	251
	20,613	49,011

Авторъ «Описанія Черниговской губерніи», сравнивая данныя о распределеніи поземельной собственности за послѣднее столѣтіе съ данными Румянцевской описи 1765—68 года, находитъ возможнымъ отмѣтить еще и третью характерную черту въ направленіи мобилизации поземельной собственности—это тенденцію къ уравнию размѣровъ землевладѣнія въ хозяйствахъ у крестьянъ и казаковъ. Въ прошломъ столѣтіи, и среди казаковъ, и среди крестьянъ, по словамъ г. Русова, число безземельныхъ, малоземельныхъ и многоземельныхъ хозяйствъ было гораздо больше, чѣмъ въ настоящее время. Теперь же относительное число хозяйствъ съ средними размѣрами стало больше. Такъ безземельныхъ и владѣвшихъ менѣ 1 десятины земли, т. е. однимъ огородомъ, въ прошломъ столѣтіи было у этихъ сословій въ Кролевецкомъ уѣздѣ—28,1% всѣхъ хозяевъ, а въ Городнянскомъ даже 37,8%, теперь же въ первомъ уѣздѣ ихъ уменьшилось до 8,8%, а во второмъ до 7,2%, а число многоземельныхъ имѣю-

щих болѣе 15 десят. до 500 десят. тогда было 26,8% и 24,2%, теперь же стало только 8,7% и 13,5%. Въ Суражскомъ уѣздѣ безземельныхъ и огородниковъ въ прошломъ столѣтіи было 32,3%, а теперь только 8,5%¹⁾».

О напряженности мобилизаціи поземельной собственности за послѣднее время можно судить на основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ нотаціальныхъ архивовъ Черниговской губерніи за время съ 1874 до 1887 г., изъ которыхъ видно, что за этотъ 14-лѣтній періодъ перешло изъ владѣній однихъ сословій въ руки другихъ всего 1.252,457 десятинъ земли, или почти $\frac{1}{4}$ всей земельной площади губерній перемѣнила своихъ владѣльцевъ, при чемъ въ среднемъ ежегодно 89,461 десят. (1,88% территории) переходило изъ рукъ въ руки²⁾.

Мобилизація поземельной собственности въ Черниговской, какъ и въ другихъ губерніяхъ, обставлена прямыми преградами въ законѣ для «мірскихъ» и «надѣльныхъ земель», но тамъ гдѣ она не встрѣчаетъ прямыхъ ограниченій, т. е. по отношенію къ землямъ частныхъ собственниковъ всѣхъ сословій, какъ показываетъ г. Русовъ, наблюдается рѣзко выраженная тенденція къ демократизаціи поземельной собственности, выражающаяся въ томъ, что собственность дробится, и распределяется равномѣрнѣе, при постоянномъ уменьшеніи числа крупныхъ имѣній и, наконецъ, въ томъ, что земля большею частью переходитъ къ мелкимъ землевладѣльцамъ, которые обрабатываютъ ее своими руками. Будетъ ли мобилизація земель и дальше совершаться въ томъ же направленіи, объ этомъ трудно судить, но одно только можно сказать съ достовѣрностью, что главный факторъ мобилизаціи земель—задолженность частного землевладѣнія всѣхъ сословій непрестанно растетъ. Сравнительно съ 1858 годомъ въ 1895 году долгъ частного землевладѣнія увеличился въ два съ лишкомъ раза, съ 8.544,000 до 20 милліон. рублей; заложенные земли въ 1885 году составляли 24,5% всей площади частного землевладѣнія, а въ 1895 году 36,7%, а задолженность 1 десятины заложенной земли за время съ 1885 до 1895 г. возросла съ 23% до 43% ея стоимости³⁾.

Не смотря, однако, на благопріятное для мелкихъ собственниковъ крестьянъ и казаковъ направленіе мобилизаціи поземельной собственности, обуславливающее увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія въ губерніи, абсолютное количество земель, которыми вообще владѣютъ крестьяне, крайне недостаточно для того, чтобы занять ихъ трудъ въ теченіе всего года. Исслѣдователя поражаетъ незначительность средней величины земельного надѣла, составляющаго менѣе 2 десят. на 1 душу, при чемъ число собственниковъ, имѣющихъ на 1 душу менѣе 1 десят.,

1) Описаніе Черниговской губ. Т. I стр. 255.

2) Описаніе Т. I стр. 275.

3) Описаніе Т. I стр. 282.

составляет 44%, а всѣхъ имѣющихъ на 1 душу менѣе 2 десят. 89% всего числа землевладѣльцевъ изъ среды сельскихъ обществъ.

Очевидно, что прикупка земель крестьянами, въ общей суммѣ достигшая со времени освобожденія 360 тысячъ десят., не въ состояніи восполнить недостатокъ земель и этою крайнею нуждою въ землѣ объясняется огромная эмиграція Черниговскихъ крестьянъ въ Уссурийскій край, на Амуръ и въ западную Сибирь, которая за послѣдніе годы постоянно увеличивается.

Исслѣдованіе распредѣленія поземельной собственности показало намъ, что 42,8% всей территоріи Черниговской губерніи принадлежитъ крестьянамъ собственникамъ и казакамъ, а 50,1% частнымъ собственникамъ привилегированныхъ сословій. Послѣдніе преимущественно являются крупными землевладѣльцами, а первые принадлежатъ къ категоріи мелкихъ собственниковъ землевладѣльцевъ. Само собою разумѣется, что на сторонѣ крупныхъ собственниковъ имѣются важныя преимущества для рациональнаго веденія хозяйства: интеллигентность, большій достатокъ необходимаго для веденія хозяйства капитала, возможность пользоваться кредитомъ, какъ въ дворянскомъ, такъ и въ частныхъ банкахъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ представители мелкаго землевладѣнія уступаютъ крупнымъ собственникамъ, они несравненно слабѣе вооружены для удовлетворительнаго веденія хозяйства, имѣя на своей сторонѣ одно лишь преимущество обезпеченія до избытка необходимыми рабочими силами, такъ какъ они сами трудомъ своей земли обрабатываютъ землю. Ближайшее знакомство съ положеніемъ сельскаго хозяйства Черниговской губерніи, въ изображеніи г. Русова, однако показываетъ, что всѣ преимущества крупнаго землевладѣнія для рациональнаго веденія сельскаго хозяйства, какія а priori можно представить себѣ, на дѣлѣ не оставили почти никакого слѣда въ земледѣліи, которое, по характерному выраженію автора, до сихъ поръ ведется въ духѣ крестьянской агрономіи и отличается отсталостію, необычайною даже для этой полосы Россіи, сравнительно съ сосѣдними губерніями Полтавской, Могилевской, Орловской. Этотъ съ перваго раза поразительный фактъ, показывающій, что крупные интеллигентные землевладѣльцы вовсе не выполнили своей миссіи, усвоенной этой формѣ землевладѣнія въ учебникахъ сельскохозяйственной экономіи, объясняется просто тѣмъ, что крупные собственники въ Черниговской губерніи очень рѣдко сами ведутъ хозяйство на своихъ земляхъ, уступая ихъ для обработки по системѣ мелкой культуры—крестьянамъ и казакамъ. Оказывается, что въ періодъ описанія уѣздовъ 1876—1883 года только нѣкоторые крупные землевладѣльцы (если подъ крупными считать имѣющихъ болѣе 100 десятинъ) вели полевое хозяйство на всѣхъ своихъ земляхъ, при помощи собственной запашки и своихъ постоянныхъ рабочихъ; большинство же, если и держало рабочихъ, то лишь для обработки части своихъ полей, остальную часть отдавали въ аренду или «исполку» и «съ копы» малоземельнымъ

31847

крестьянамъ и казакамъ, которые, воздѣлывая эти земли вмѣстѣ съ своими собственными, увеличивали тѣмъ площадь полей, обрабатываемыхъ по системѣ мелкаго хозяйства. Такъ напримѣръ въ 8-ми уѣздахъ въ періодъ 1876—1883 годовъ изъ 1095 крупныхъ имѣній въ 574-хъ, т. е. болѣе чѣмъ половинѣ вовсе не было своей запашки, а въ 195 при помощи наемнаго труда запахивалась самая незначительная часть полей отъ $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{4}$, болѣе половины своихъ земель такимъ же образомъ обрабатывались только въ 164-хъ имѣніяхъ¹⁾. Изъ общей массы земель крупныхъ собственниковъ, на которыхъ ими не велось своей запашки, сравнительно небольшая доля въ 184,204 десятинъ сдавалась въ долгосрочную аренду, гораздо большее пространство сдавалось въ погодную аренду. При этомъ сдача полей въ денежную аренду очень рѣдко практикуется. По старинному обычаю земля въ Черниговской губерніи сдается изъ части урожая, при этомъ арендаторъ обязывается, сверхъ опредѣленной доли урожая, нести еще разнаго рода отработки, или же дѣлать извѣстной величины доплаты отъ 50 коп. до 1 руб. 50 коп. съ десятины. Изъ 1,215 описательныхъ единицъ или дачъ, на какія была при описаніи раздѣлена губернія, въ 984 изъ нихъ оказался болѣе или менѣе распространеннымъ этотъ видъ «скопщины» или «спольщины». Доля урожая, уплачиваемая при скопщинѣ землевладѣльцу, колеблется, смотря по мѣстности, отъ $\frac{1}{7}$ до $\frac{1}{5}$ урожая, за вычетомъ сѣмянъ.

Итакъ мы имѣемъ безспорно установленный тотъ фактъ, что большая часть земель крупныхъ собственниковъ поступаетъ въ обработку къ крестьянамъ и что хозяйство не только на земляхъ мелкихъ собственниковъ, но и на земляхъ крупныхъ собственниковъ ведется крестьянами по системѣ мелкой культуры. Отсюда естественный выводъ, что въ Черниговской губерніи земледѣльческое хозяйство ведется посредствомъ крестьянскаго несовершеннаго инвентаря, съ тѣми отсталыми приемами культуры, какія обычно примѣняются казаками и крестьянами. Ихъ орудія обработки почвы—это традиционная одноконная соха, пароконная малороссійская соха или литовка и все тотъ же деревянный малороссійскій плугъ, примѣняемый впрочемъ на ограниченной территоріи черноземныхъ земель, требующій упряжки не менѣе двухъ паръ воловъ или лошадей. При этихъ орудіяхъ глубина вспашки колеблется отъ 1 до $2\frac{1}{2}$ вершковъ сохою, при ширинѣ пласта въ 4—5 вершковъ, а плугомъ при $3\frac{1}{2}$ —3 вершкахъ глубины и 6—8 вершкахъ ширины пласта. О косности въ приемахъ обработки почвы краснорѣчиво свидѣтельствуетъ фактъ, что они остались тѣми же, какіе практиковались по свидѣтельству Шафонскаго, составившаго въ 1786 г. описаніе Черниговскаго намѣстничества, въ его время съ тою разницею, говоритъ г. Русовъ, что, хотя орудія обработки и запряжки до настоящаго времени остались тѣ же, что

¹⁾ Описаніе Черниговской губ. Т. I стр. 343.

и были 110 лѣтъ тому назадъ, но глубина паханія измѣнилась не въ пользу новаго времени. Такъ по свидѣтельству этого автора въ его время плугомъ пахали на 6—8 вершковъ, а сохою на 4—5 вершковъ. Въ настоящее время плугомъ пахутъ на 8 вершковъ только на свекловичныхъ плантаціяхъ крупныхъ экономій, а сохою на 4—5 вершковъ нигдѣ не пахутъ.

Вѣрнымъ показателемъ отсталости земледѣльской культуры служить урожайность хлѣбовъ, которая по среднимъ выводамъ за десятилѣтіе 1883—1893 г. составляетъ для ржи 3,8 четвертей, овса 5,6 четвертей, гречи 2,4 четвер. на дес. По вѣсу хлѣбовъ урожайность ихъ выражается въ уѣздахъ средней урожайности для ржи въ 27—37 пуд., для овса 27—36 пуд. и гречи 13—16 пуд. на десятину.

Всѣ черты отсталости, кромѣ земледѣлія, наблюдаются и въ другой важной отрасли сельскаго хозяйства—въ скотоводствѣ. Мѣстная крестьянская лошадь отличается крайней низкорослостью и слабостью. Поголовное измѣреніе роста лошадей при конской переписи, произведенной въ 1882 г., показало, что на 100 головъ 87,3 по росту ниже 1 аршина 14 верш. Рогатый скотъ слабый и выродившійся. Волы доморослые по росту и вѣсу едва превосходятъ коровъ. Молочный скотъ также низкопробный. По отношенію къ скотоводству, какъ и относительно земледѣлія въ Черниговской губерніи, наблюдается тотъ же фактъ, что оно почти цѣликомъ находится въ рукахъ представителей мелкой собственности и мелкихъ хозяйствъ, т. е. крестьянъ и казаковъ, какъ показываютъ слѣдующія цифры. По свѣдѣніямъ конской переписи 1882 года оказывалось, что изъ общаго числа 590,483 лошадей въ губерніи сельскимъ обществамъ принадлежало 544,148, частнымъ землевладѣльцамъ 34,439 и горожанамъ 11,886¹⁾. А изъ 615,534 штукъ рогатаго скота (считая въ томъ числѣ быковъ, воловъ, коровъ и молоднякъ), застрахованнаго въ обязательномъ и добровольномъ страхованіи въ 1886 году²⁾, принадлежало сельскимъ обществамъ 509,388 головъ или 82,7%,—частнымъ землевладѣльцамъ 83,100 штукъ или 13,3% и горожанамъ 23,046 или 4%. Разъ скотоводство находится преимущественно въ рукахъ крестьянъ и казаковъ, то отмѣченная выше его отсталость зависитъ отъ общихъ неудовлетворительныхъ условій крестьянскаго хозяйства, среди которыхъ первенствующее значеніе имѣютъ малоземелье, недостатокъ кормовой площади, пастбищъ и сѣнокосовъ, при общемъ низкомъ уровнѣ земледѣльской культуры. Достаточно указать, что сельскимъ обществамъ на пространствѣ $\frac{3}{5}$ принадлежащей имъ территоріи губерніи приходится содержать въ шесть разъ больше скота, сравнительно съ крупными землевладѣльцами, которые, при 13% принадлежащаго имъ крупнаго скота, владѣютъ $\frac{2}{5}$ площади губерній. Вообще роль крупныхъ собственниковъ

¹⁾ См. Описаніе Т. I, стр. 407.

²⁾ Общее же количество всего рогатаго скота въ губерніи 784,783 штуки.

въ дѣлѣ усовершенствованія земледѣлія такъ же незамѣтна, какъ и въ дѣлѣ земледѣльческихъ улучшеній. Крупныхъ экономій съ правильною постановкою скотоводства почти нѣтъ. Въ 1882 году перепись обнаружила только 64 организованныхъ конскихъ завода, въ которыхъ содержалось 813 упряжныхъ и частью рабочихъ лошадей.

Общее состояніе скотоводства за послѣднія десятилѣтія характеризуется тѣмъ, что абсолютное количество всѣхъ видовъ скота увеличивается, но въ меньшей прогрессіи, чѣмъ число жителей. Такъ въ 1861 г. на 1.465,000 жителей приходилось 1.999,000 скота разныхъ породъ, т. е. по 136 головъ на 100 душъ жителей, въ 1896 году оказывается на 2.354,000 жителей только 2.440,000 головъ разнаго скота, т. е. только по 107 головъ на 100 жителей. При этомъ наблюдается, на ряду съ абсолютнымъ увеличеніемъ всѣхъ видовъ скота, за исключеніемъ козъ и тонкорунныхъ овецъ, болѣе значительное увеличеніе количества лошадей сравнительно съ числомъ воловъ и болѣе значительный ростъ крупнаго скота сравнительно съ мелкимъ. А именно всего крупнаго скота (лошадей и воловъ) въ 1861 году было 805,500, а мелкаго (овецъ, козъ и свиней) 1.194,500, т. е. на каждыя 100 головъ крупнаго скота приходилось тогда 148 мелкаго. Въ 1896 году считалось уже 1.101,400 головъ крупнаго скота и 1.359,400 мелкаго, т. е. на 100 головъ, крупнаго скота было уже 122 мелкаго. Такое увеличеніе относительно количества крупнаго скота авторъ «Описанія» ставитъ въ связь съ стремленіемъ послѣ реформы 1861 года къ большей распашкѣ земель и слѣдовательно къ уменьшенію самостоятельнаго значенія скотоводства.

Въ предшествующемъ изложеніи нами довольно подробно передано содержаніе основныхъ фактовъ и явленій, анализированныхъ авторомъ въ его изслѣдованіи о землевладѣніи и сельскомъ хозяйствѣ, составляющемъ самую существенную часть «Описанія Черниговской губерніи». Однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ результатовъ этого изслѣдованія мы считаемъ выводы автора о направленіи мобилизаціи поземельной собственности, съ явно выраженною благопріятною тенденціею ея для мелкаго землевладѣнія крестьянскаго класса, на ряду съ сокращеніемъ площади крупнаго землевладѣнія дворянскаго сословія и увеличенія земель разночинцевъ. Эта тенденція мобилизаціи земель къ мелкимъ собственникамъ, обрабатывающимъ землю трудомъ своей семьи, отмѣчена была западно-европейскими экономистами для Франціи—Фовилемъ (Al. Foville), Сушономъ (Souchon) и Даніелемъ Золя, для Германіи и частью Австріи—Гольцемъ (von der Holz, Agrarische Vorlesungen) и Гертцомъ (Hertz. Die Agrarische Frage im Verhältniss zum Socialismus mit Vorrede v. Bernstein 1899). На это же явленіе мнѣ приходилось указывать въ 1899 г. въ своемъ сочиненіи о сельскохозяйственномъ кризисѣ во Франціи, гдѣ, вслѣдствіе свободы поземельнаго оборота, оно выражено гораздо рѣзче. Сгруппированные г. Русовымъ цифры и факты, указывающіе на приращеніе земель мелкихъ соб-

ственниковъ на счетъ крупной собственности, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ для ихъ пріобрѣтенія крестьянами, получаютъ особое значеніе потому, что авторъ подошелъ къ вопросу о мобилизаціи земельной собственности безъ всякаго предубѣжденія въ ту или другую сторону, такъ какъ, повидимому, онъ вовсе не былъ заинтересованъ теоретическою стороною вопроса о конкуренціи крупныхъ формъ хозяйства съ мелкими въ земледѣліи. Другой важный фактъ, рельефно выступающій въ изслѣдованіи г. Русова, относится къ характеристикѣ современнаго положенія сельскаго хозяйства изслѣдуемаго имъ района и заключается въ томъ, что въ Черниговской губерніи почти все земледѣліе ведется по системѣ мелкой культуры и, какъ въ мелкихъ, такъ и крупныхъ имѣніяхъ, находится въ рукахъ крестьянскаго класса, который является хозяиномъ и на помѣщичьихъ земляхъ, то арендуя ихъ, то снимая ихъ «исполну», за обработки и т. п. Сильное стремленіе крестьянъ къ «землеобству» выражается также въ томъ, что крестьяне, не имѣющіе своего скота, стараются отдать свой трудъ земледѣлію при помощи «супруги» и найма рабочаго скота. Только полная невозможность заняться обработкою земли по неимѣнію инвентаря заставляеть ихъ отказаться отъ этого дѣла и, въ крайнемъ случаѣ, вызываетъ ихъ переселеніе въ чужіе края. Если вообще земледѣліе въ Черниговской губерніи, какъ это было показано выше, отличается отсталостію, то это объясняется тѣмъ, что оно, по выраженію автора, ведется въ духѣ народной агрономіи, архаическими пріемами, свойственными крестьянскому хозяйству, при крайне недостаточномъ инвентарѣ и плохихъ орудіяхъ обработки. Этотъ характерный фактъ, указывающій на исключительную роль крестьянства въ сельскомъ хозяйствѣ Черниговской губерніи, даетъ важное показаніе для экономической политики въ области сельскаго хозяйства. Очевидно, что главнымъ средствомъ для поднятія послѣдняго должны быть мѣры улучшенія сельскохозяйственнаго инвентаря въ крестьянскомъ поселеніи, такъ какъ они принесутъ благотворные результаты не только по обработкѣ крестьянскихъ земель, но и должны отразиться серіозными улучшеніями культуры земель крупныхъ собственниковъ, находящихся въ обработкѣ у крестьянъ.

Выводы, выступающіе въ изслѣдованіи г. Русова, пріобрѣтаютъ особенное значеніе, потому что они установлены авторомъ на основаніи тщательнаго анализа фактовъ и цифръ, съ соблюденіемъ крайней осторожности въ суммированіи данныхъ и въ заключеніяхъ. Г. Русовъ, можно сказать, на каждой страницѣ своего изслѣдованія является статистикомъ *par excellence*, который рѣшается на тотъ или другой выводъ только послѣ сложнаго процесса опѣнки имѣющихся данныхъ и которому постоянно кажется, что имѣющихся у него фактовъ и цифръ все еще недостаточно и ихъ могло бы быть больше; но за то тамъ, гдѣ имѣются опредѣленные и точныя данныя, онъ съ особеннымъ увлеченіемъ подвергаетъ ихъ всѣмъ возможнымъ статистическимъ комбинаціямъ (см. напр. главу о

землевладѣнія т. I, стр. 199—279). Поэтому объ его изслѣдованіи можно сказать, что по своимъ методамъ и строгости анализа оно во многихъ мѣстахъ стоитъ гораздо выше качества матеріаловъ, надъ которыми авторъ работалъ. Отмѣченные нами достоинства изслѣдованія г. Русова о землевладѣніи и сельскомъ хозяйствѣ Черниговской губерніи, заключающіеся въ обширности литературы, использованной авторомъ, въ точности методовъ и осторожности въ выводахъ, имѣющихъ при томъ научный интересъ новизны и важныхъ въ практическомъ отношеніи,—давали бы ему полное право на полученіе преміи (согласно § 5 положенія о преміяхъ Александра II-го). Но на ряду съ землевладѣніемъ и сельскимъ хозяйствомъ, составляющимъ существенную часть «Описанія Черниговской губерніи», авторомъ обстоятельно представлены и многія другія стороны быта населенія губерніи, а также физическія и географическія условія изслѣдуемаго раіона, для изученія которыхъ одни матеріалы, заключающіеся въ земской статистикѣ, были бы далеко не достаточны, если бы авторъ не пополнялъ ихъ изученіемъ общихъ сочиненій по естествознанію, физической географіи Россіи и т. п. насколько они касаются Черниговской губерніи. Не имѣя надобности для нашей цѣли представлять здѣсь обзоръ всѣхъ отдѣловъ «Описанія», мы отмѣтимъ содержаніе только важнѣйшихъ изъ нихъ, относящихся къ культурнымъ условіямъ жизни населенія. Въ главѣ о народномъ образованіи (Т. II, стр. 66—146) имъ сдѣланъ, на основаніи земской статистики, подробный обзоръ состоянія помѣщеній народныхъ школъ, размѣровъ и удобствъ, представляемыхъ школьными усадьбами, внутренней обстановки школъ, квартиръ учителей, количества учащихся по сословіямъ, возрастамъ и поламъ. Изъ этого обзора оказывается между прочимъ, что 91% всѣхъ учащихся въ народныхъ школахъ состоитъ въ возрастѣ отъ 8 до 13 лѣтъ, а число дѣтей школьнаго возраста составляетъ 8% населенія, причемъ изъ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста обучалось въ существующихъ школахъ только 30%. Авторомъ сдѣланъ также чрезвычайно интересный обзоръ образовательнаго ценза народныхъ учителей и учительницъ, продолжительности ихъ службы, нормъ вознагражденія и расходовъ Черниговскаго земства на народное образованіе. Большими достоинствами также отличается глава «о платежахъ» (Т. II, стр. 320—377), въ которой по схемѣ профессора Н. П. Яснопольскаго, представлено распредѣленіе государственныхъ доходовъ и расходовъ, а затѣмъ изложена система земскаго и мірскаго обложенія въ губерніи. Въ главѣ о населеніи (Т. II, стр. 1—65) образцово обработана статистика населенія по схемамъ, усвоеннымъ современной популяціонистикой.

Въ виду отмѣченныхъ выше достоинствъ «Описанія Черниговской губерніи», сдѣланнаго г. Русовымъ, я считаю этотъ трудъ заслуживающимъ самой высшей преміи, какую комитетъ, по имѣющимся у него средствамъ, можетъ назначить.

В. Левитскій.